

ПОНИМАНИЕ И ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ» С ПОЗИЦИИ РАЦИОНАЛЬНО-ЭГАЛИТАРНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена раскрытию и обоснованию категории «государственное регулирование» в контексте рационально-эгалитарной теории права. В частности, с позиции данного подхода к праву анализируются общие положения этой теории, связанные с взаимообусловленностью права и государства, со значением права в политической организации общества. Особое внимание уделено вопросу соотношения государственного и правового регулирования общественных отношений. В качестве гипотезы исследования автором предлагается понимание категории «государственное регулирование» как публично-правовой деятельности государства по формированию и реализации комплекса институциональных, нормативных и инструментальных оснований и средств признания, соблюдения, обеспечения и защиты сущностных требований права.

Ключевые слова: рационально-эгалитарная теория права, государственное регулирование, сущность права, правопонимание, государство и право, свобода и ответственность.

CONCEPTION AND GENERAL PROVISIONS OF THE CATEGORY OF «STATE REGULATION» FROM THE PERSPECTIVE OF THE RATIONAL- EGALITARIAN CONCEPT OF LAW

Abstract. The article is devoted to the disclosure and justification of the category of «state regulation» in the context of the rational-egalitarian theory of law. In particular, this approach to law examines the general provisions of this theory in relation to the interdependence of law and the state, as well as the significance of law in the political structure of society. Special attention is paid to the issue of correlation of state and legal regulation of social relations.

As a hypothesis of the study, the author proposes the conception of the category «state regulation» as a public and legal activity of the state to form and implement a set of

institutional, statutory and instrumental grounds and means of recognition, compliance, enforcement and protection of the essential requirements of law.

Keywords: *rational-egalitarian theory of law, state regulation, essence of law, conception of law, state and law, freedom and responsibility.*

Как отмечается в юридической литературе, «правильное уяснение особенностей сферы правового регулирования (объема, границ) находится в непосредственной связи с проблемой правопонимания» [1, с. 60]. С данным положением сложно не согласиться ввиду того, что процесс государственного воздействия на общественные отношения, как и любой другой политико-правовой процесс, должен быть не только сугубо рациональным, приемлемым, предсказуемым и последовательным, но и опосредованным с системными и обоснованными научными представлениями о понимании права. Отсюда следует, что реальное осуществление данных процессов в должной форме и с необходимым содержанием детерминировано многими факторами, в том числе обусловленностью деятельности государства правом, его онтологическими и аксиологическими основаниями.

Данное обстоятельство вызывает необходимость обратиться к раскрытию сущностных аспектов и понимания категории «государственное регулирование» общественных отношений с позиции рационально-эгалитарной теории права, ранее не известной юридической науке и практике, а также определить фундаментальное значение данной категории для политико-правовой сферы жизни общества.

С позиции данного подхода к правопониманию под правом подразумевается равная форма свободы и ответственности, основанных на императиве сохранения природы человека, обеспечение которой осуществляется посредством государственного регулирования общественных отношений [2, с. 8].

Вытекающее из данного определения права требование, указывающее на то, что обеспечение равной формы свободы и ответственности, основанных на императиве сохранения природы человека, осуществляется посредством государственного регулирования общественных отношений, выступает универсальным общетеоретическим конструктом, с одной стороны, определяющим государственную (публичную) волю общества как безусловную и безапелляционную в вопросах легитимной организации и осуществления правовых мер воздействия на общественные отношения, с другой — предопределяющим осуществление определенного комплекса публично-правовых действий по формированию, реализации и защите правовых явлений (средств, инструментов и институтов), необходимых для обеспечения сущностных требований права.

В целях системного исследования и обоснования данных теоретических положений предлагается разбить настоящий анализ на несколько взаимосвязанных частей, начав при этом непосредственно с раскрытия

фундаментальной взаимосвязи права и государства, а также их обусловленности друг другом с позиции рационально-эгалитарного подхода к пониманию права.

I. Как было отмечено в предыдущих исследованиях [3], формирование политической организации общества было опосредовано эволюцией человеческого разума на определенном этапе исторического развития социальных отношений. В частности, отмечалось, что государства не возникли в один день, то есть разум человека не мог молниеносно, моментально придать политическую форму организации общества и создать цивилизованное правовое государство, которое стало бы выражать и защищать права и свободы человека и общества. Иначе говоря, исторический процесс развития политического устройства обществ протекал крайне продолжительно и неоднородно, сочетал в себе различные формы, методы, последствия и трансформации, нередко сопровождался массовым истреблением и угнетением людей, а где-то и уничтожением государственности. То есть вполне очевидно, что на ранних стадиях своего становления и развития древние государства не позиционировались и не функционировали как цивилизованные правомерные субъекты.

В теории и истории государства и права приводится немало научных концепций (мифологических, религиозных, патриархальных, патерналистских, естественно-правовых концепций общественного договора и т.д.), содержащих разные видения предпосылок и следствий возникновения политических форм организации общества.

Анализируя исключительно институциональные, функциональные и социально-культурные особенности и закономерности эволюционного развития государств, можно сделать вывод о том, что на каждом этапе исторического развития посредством разумного отбора вырабатывались определенные рациональные системы (институты и средства) для социального устройства и прогресса, главным образом ориентированные на создание условий для безопасного и предсказуемого сосуществования и взаимодействия членов общества. Одними из таких социальных систем выступили образованные человеком на определенном этапе его развития государство и законы (право).

С позиции рассматриваемой концепции правопонимания утверждение о существовании права в рационально-эгалитарной его трактовке на ранних этапах развития цивилизаций (например, минойская и микенская цивилизации, Средневековье и т.д.) было бы некорректным. Право, как культурный феномен [4, с. 16], формирующийся и развивающийся в процессе социальной эволюции, рассматривал еще академик В.С. Стёпин.

Очевидно, что со временем на смену обычаям пришли писанные законы, кодексы, правды и так далее, которые с позиции юридического позитивизма можно определять как право. Однако, как свидетельствует историко-правовое знание, общества и государства в тот период исходили из иного

(то есть отличного от рационально-эгалитарной трактовки права) понимания государства, законов и права, иного их осмысления и предназначения, иных методов, функций, идеологий, культур и так далее.

В целом анализ исторических закономерностей развития права показал, что человек под воздействием разумного отбора либо мирно, либо в результате социальных кризисов и потрясений добивался расширения меры своей свободы, ее формального признания, закрепления и защиты. Наряду с этим постепенному рациональному (научному) переосмыслению и циклическому трансформированию подвергались значение и роль права как социального регулятора, его сущность, содержание и форма. Как отмечал академик В.С. Нерсисянц: «Наблюдаемый в истории прогрессирующий процесс освобождения людей от различных форм личной зависимости, угнетения и подавления — это одновременно правовой и государственный прогресс...» [5, с. 62]. Кроме того, научную разработку и обоснование получали определенные формы правления, политические режимы, то есть методы и принципы, главным образом ориентированные на демократическое и гуманистическое политическое устройство общества и государства.

При этом важно подчеркнуть, что еще с древних времен существовали и продолжают существовать по сей день правовые системы и законы государств (позитивное право), которые не исключено, что вовсе не противоречили и не противоречат духу и положениям права (т.е. аксиологической и идеологической направленности права) в его рационально-эгалитарном понимании. Вполне возможно также, что позитивное право выражало и зачастую продолжает выражать его и в настоящее время. Кроме того, возможно, и правоприменительные органы, например в процессе разрешения какой-либо ситуации или спора, принимали и принимают решения, не противоречащие духу и положениям права в его рационально-эгалитарном понимании. Однако это вовсе не означает, что государственное регулирование общественных отношений, в частности принимаемые акты позитивного права и правоприменительные решения как на уровне национальных государств, так и на уровне международных отношений, последовательно, осознанно и системно исходило из требований рационально-эгалитарной теории права, соответствовало его сущности и пониманию. Стало быть, как и раньше, современный процесс государственного регулирования не исключает иного, в том числе произвольного или основанного на других подходах к правопониманию, содержания законов (позитивного права), их применения, толкования и организации государства.

В.Д. Зорькин обоснованно отмечает, что «от того, какой тип правопонимания доминирует в юридической науке, какое понятие права положено в основу конституции и действующего законодательства и какого понимания права придерживаются в своей деятельности правоприменители, напрямую зависит состояние всей правовой системы страны, а значит — и всей системы общественных отношений, регулируемых правом» [6, с. 126].

С позиции рассматриваемой концепции права государство и право выступают самостоятельными и самодостаточными категориями, но при этом неразрывно и объективно взаимосвязанными и взаимообусловленными. Данная характеристика детерминирована тем, что только государство как политическая форма организации общества и единственный легитимный субъект государственного (нормативного и общеобязательного) регулирования обладает свойствами публичного утверждения и системного воплощения, обеспечения требований права, тогда как право в качестве теоретической модели определенного рационального (научного) и целостного знания о сущности и назначении права выступает основанием, определяющим и упорядочивающим базовые начала и пределы (критерии) государственного регулирования (организации и деятельности государства). Иначе говоря, обусловленность оснований и деятельности государства правом исходит из возможности и необходимости совершения/применения лишь тех публичных действий и методов, которые соответствуют праву, и, следовательно, недопущения совершения и применения тех действий и методов, которые праву противоречат.

Следовательно, взаимосвязь и взаимообусловленность государства и права, выраженные в необходимости обеспечения и поддержания правового качества (состояния) государства, детерминированы конструированием определенной модели (конфигурации) государства, в рамках которой государство выступает политическим объединением (союзом) людей, организованным и функционирующим в рамках и системном единстве с требованиями рационально-эгалитарной концепции права.

II. Как было представлено ранее, право в контексте рационально-эгалитарного правопонимания — это теоретическая категория, главным образом устанавливающая онтологические, методологические и институциональные основания и условия для организации и осуществления государственного регулирования общественных отношений — обеспечения равной формы свободы и ответственности, основанных на императиве сохранения природы каждого человека. Иначе говоря, предметом данной теории выступают основанные на сущности права концептуально-методологическая рационализация и систематизация политико-правовых явлений и процессов, обусловленных определенной деятельностью государства.

Отсюда следует, что на основе рационально-эгалитарной теории правопонимания не предусматривается конструирование конкретных теоретико-правовых положений и позиций относительно того, какая из форм политической организации общества (демократия, теократия, авторитаризм и т.д.) или государственного устройства наиболее эффективная, подходящая и подлежит выбору и установлению; каких конкретно методов и процедур для социальной апробации того или иного социального вопроса или достижения общественного согласия необходимо придерживаться. Данные аспекты, связанные с политическими режимами и методами принятия политических

решений, — это исключительная прерогатива каждого отдельного общества и его членов, их воли, уникальности культуры, политических предпочтений, научно-гуманитарного потенциала, исторических традиций (по воле демократического большинства или меньшинства, единоличного суверена или группы лиц, посредством представительства или непосредственно) и так далее.

При этом принципиальным является то, что концепция права, будучи теоретической системой, призванной упорядочивать процессы политико-правового воздействия на свободу и ответственность каждого человека, то есть оказывать прямое влияние на условия его жизнедеятельности и развития с позиции объективности и разумности, исходит из недопустимости ограничения (игнорирования) участия и свободного (добровольного) волеизъявления каждого человека как разумного и социального существа при выборе и признании им того понимания права и, следовательно, той концептуальной модели правовой системы, в соответствии с которой его свободы и ответственность будут подлежать признанию, осуществлению и защите или, наоборот, запрету и ограничению.

Следовательно, из сути рационально-эгалитарной теории права исходит требование, предусматривающее необходимость соблюдения добровольного волеизъявления каждого человека относительно официального признания (легитимации) либо отклонения данной теории права в качестве основополагающего и системообразующего базиса политико-правовой системы. Принятие всеобщего решения о признании (легитимации) рационально-эгалитарного подхода к пониманию права предполагает апробацию и дальнейшее конституирование официальной власти права, признание его господства (верховенства) на государственном (публичном) уровне, а также тех последствий, которые произойдут в процессе регулирования и обеспечения (реализации) его требований. Из этого вытекает, что с момента легитимации (признания) рационально-эгалитарной концепции права и институционализации ее положений исходящие из ее сущности требования и решения становятся общеобязательными для всех без исключения субъектов права, независимо от их количественного состава (большинство или меньшинство), социального положения, публичного статуса, организационно-правовой формы и тому подобного.

III. Согласно рационально-эгалитарной концепции правопонимания обеспечение сущностных требований права основывается на государственном, а не на правовом регулировании общественных отношений, что закономерно предполагает разное понимание и функциональное назначение данных категорий. Раскроем данный аспект более предметно.

В соответствии с теорией государства и права такие категории, как «государственное регулирование» и «правовое регулирование», за редким исключением [7], рассматриваются как равнозначные понятия. Как правило,

данная позиция исходит из классической для советского права догмы, основанной на отождествлении права с законом (актами государства).

В современной правовой доктрине и практике разработаны определенные юридические способы, методы, классификации и типы правового регулирования, проистекающие как из предоставления субъективных свобод, так и из возложения юридических обязанностей. Несмотря на существующие способы и классификации правового регулирования, все они в совокупности представляют собой регулирование — либо основанное на актах государства (нормативное правовое регулирование), либо не противоречащее им (индивидуальное правовое регулирование).

Нам видится, что наиболее ясную характеристику данных способов регуляции дала Л.Т. Бакулина: «Индивидуально-правовое регулирование, подчиняясь, согласуясь с нормативным, выступает его необходимым продолжением и развитием» [8, с. 129]. Не углубляясь в анализ классификаций данной категории, представляется важным отметить, что независимо от наличия средств, методов и способов правового регулирования (нормативное, индивидуальное и т.д.), его институционализирующим, организующим и упорядочивающим основанием выступает именно определенная государственная деятельность. Иначе говоря, как подчеркивается в научной литературе, «создание, реализация, охрана права неразрывно связана с государственной деятельностью» [1, с. 55]. Это — во-первых.

Во-вторых, в доктрине права «правовое регулирование понимается как специфическая *деятельность государства* (выделено мной — А.Г.), его органов, должностных лиц и уполномоченных на то общественных организаций по принятию нормативно-правовых или индивидуально-правовых решений в пределах своей компетенции» [9, с. 134].

Что касается категории «государственное регулирование», то в науке под данной категорией также подразумевается «*деятельность государства* (выделено мной — А.Г.) в лице его органов» [10, с. 58], «воздействие государства в лице государственных органов» [11, с. 106], «система мер законодательного, исполнительного и контролирующего характера, которые осуществляются органами власти» [12, с. 14].

При этом важно отметить, что данные категории широко используются как в законодательстве¹, так и в правоприменительной практике, но при этом однозначных определений и критерия разграничения данных категорий в позитивном праве и в решениях судебных органов нет.

¹ См. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», Федеральный закон от 08.01.1998 № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации», Федеральный закон от 03.07.2016 № 309-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов на территории Республики Крым», Гражданский кодекс РФ (ст. 156) и др.

Анализ данных источников позволяет констатировать, что под этими категориями, помимо принятия и исполнения нормативно-правовых актов, прежде всего понимается деятельность государства в лице соответствующих компетентных органов.

Такая позиция в целом согласуется с методологией рационально-эгалитарной теории права в части того, что любое публично-правовое регулирование начинается именно с деятельности государства. Однако данный подход к правопониманию предполагает, что публично-правовая деятельность — это деятельность, обусловленная процессами создания и реализации актов государства, соответствующих сущности права. Отсюда следует, что, кроме деятельности, государственное регулирование также обусловлено наличием определенных целесообразных условий и ресурсов, а именно необходимых с точки зрения обеспечения требований права государственных институтов (органов власти) с соответствующими полномочиями и компетенциями.

Таким образом, процесс государственного регулирования общественных отношений исходит из иного, комплексного понимания процесса публичного воздействия на поведение и деятельность человека, общества и государства, а именно, помимо определенной государственной деятельности по созданию и реализации актов государства, предполагает наличие определенных и целесообразных (оправданных, необходимых) с точки зрения реализации и обеспечения сущностных требований права элементов механизма государства (судебные и контрольные органы, финансовые и экономические структуры, правоохранительные и правозащитные институты и т.д.).

IV. В определении права в рационально-эгалитарной его трактовке содержатся как сущностные основания (начала), так и пределы (границы) государственного регулирования — обеспечение равной формы свободы и ответственности, основанные на императиве сохранения природы человека. А именно презюмируется непосредственная сопряженность (неотъемлемость) процесса государственной регуляции с сущностными требованиями права, призванными осуществлять разумное и последовательное воздействие на социальные коммуникации и процессы посредством обязывающих, запретительных и дозволительных способов регуляции.

Значит, действия и решения, совершаемые или принимаемые в процессе государственного регулирования, но при этом противоречащие сущностным требованиям права (принятие актов, противоречащих праву, их отмена, произвольное толкование; создание специальных, чрезвычайных судов; лишение независимости правосудия и т.д.), не могут подлежать признанию правовыми (обоснованными) и подлежат отмене и ограничению. В связи с этим Ю.А. Тихомиров справедливо полагает: «В правовом государстве право „связывает“ и обеспечивает управление государственными делами» [13, с. 6]. Следовательно, соответствием деятельности государственных органов требованиям права непосредственно определяются правовое состояние (качество)

и функционирование процесса государственного регулирования, а значит, состояние обеспеченности и защищенности правовых свобод каждого.

V. Как предполагается, выступая концептуально-методологическим базисом процесса государственного регулирования общественных отношений, право тем самым опосредованно сопряжено с более широким социальным явлением — правовой системой общества. Раскроем данный аспект подробнее.

В правовой доктрине категория «правовая система», как и классификация ее структурных компонентов (элементов), имеет разную трактовку, основана на разных методологических приемах и подходах к идентификации, систематизации, структурированию, институционализации и иерархизации правовых явлений. Одни ученые предлагают структурировать правовую систему, придавая первоочередное значение правовым нормам [14, с. 174–175]; другие — истории правовых систем, системе источников права и структуре правовой системы [15, с. 125]; третьи — особенностям развития отдельных цивилизаций (цивилизационный подход) [16, с. 65]; четвертые (Г. Созер-Холл) — основаниям расовых и языковых признаков [17, с. 74] и так далее.

Вместе с тем для одних правовых систем характерным является деление права на публичное и частное, систематизация права по отраслям, институтам, субинститутам (континентальная система права), тогда как другим не свойственна строгая отраслевая классификация (английская система права), для третьих типичен смешанный (промежуточный) характер построения правовой системы (правовые системы Скандинавских стран). Очевидно, что причинами такой вариативности классификаций преимущественно выступают исторические, национальные, экономические, культурные и идеологические факторы. Плюрализм подходов существует и относительно систематизации форм права. Как считает М.Н. Марченко: «Было бы весьма опрометчивым и не в меру наивным, как показывает отечественный и зарубежный опыт, ожидать полного совпадения позиций и представлений об источниках и формах права, существующих в разных правовых системах и правовых семьях» [18, с. 3]. Тем не менее в юридической науке превалирует позиция, согласно которой источники права и система законодательства (нормативный аспект) государства выступают первостепенными и приоритетными компонентами для идентификации и понимания правовой системы.

Несмотря на существующие доктринальные подходы, по нашему убеждению, наиболее логичными и обоснованными представляются позиции, согласно которым «от господствующего типа правопонимания напрямую зависит сущность, содержание и форма правовой системы общества» [19, с. 347]; «для понимания правовой системы той или иной страны недостаточно исследовать ее нормативный аспект, то есть действующие нормы права. Также необходимо иметь представление о *правопонимании...*» (выделено мною — А.Г.) [20, с. 469].

Действительно, как представляется с позиции рационально-эгалитарной теории права, именно признанный подход к правопониманию,

олицетворяющий приверженность отдельного общества и государства (правовой семьи, международной организации) к определенному представлению о сущности и назначении права, на основе которого осуществляется концептуальное и комплексно-методологическое воздействие на динамику политико-правовых процессов и генерируется определенная политико-правовая действительность (законодательство, правосознание, практика, наука, культура, образование), выступает тем ключевым признаком, от которого объективно зависит ценностно-мировоззренческая и структурно-функциональная характеристика правовой системы общества, а также все проистекающие из ее функционирования и развития правовые явления и процессы. В этом смысле нельзя не согласиться с Н.И. Матузовым и А.В. Малько в том, что «право доминирует в правовой системе, играет в ней роль консолидирующего фактора, „центра притяжения“. Все другие ее элементы являются фактически производными от права» [21, с. 173].

Отсюда следует, что с позиции рационально-эгалитарного подхода к правопониманию право как научная категория, выражающая определенные теоретико-онтологические и методологические требования по рациональной организации процесса государственного регулирования общественных отношений, выступает базовым первостепенным компонентом (элементом) в структуре правовой системы, предопределяющим и/или моделирующим процессы систематизации, структуризации, институционализации и иерархизации остальных компонентов (элементов) правовой системы, а также обеспечивающим функцию их интеграционного согласования и единства. Как пишет А.Р. Губайдуллин: «Проявление интегративной функции в пределах правовой системы обуславливает ее целостность, так как правовые явления не могут существовать отдельно друг от друга» [22, с. 35].

VI. Тезис о том, что, обеспечивая рациональную организацию процесса государственного регулирования общественных отношений, право тем самым выступает базовым первостепенным компонентом (элементом) в структуре правовой системы, предопределяющим и/или моделирующим процессы систематизации, структуризации, институционализации и иерархизации остальных компонентов (элементов) правовой системы, предполагает прежде всего целостную, последовательную, предсказуемую, непротиворечивую и нормативную *организацию социальных институтов, правовых средств (принципов, актов и т.д.) и механизмов*, необходимых для обеспечения требований права, а также *регуляцию определенных социальных процессов (поведение человека и общественные отношения)*, обусловленную воздействием официальных правовых (основанных на праве) явлений.

Исходя из представленной взаимосвязи права (в рационально-эгалитарной трактовке) и правовой системы, представляется допустимым предложенное Г.И. Муромцевым понимание правовой системы как научной категории, дающей «многомерное отражение правовой действительности

конкретного государства на ее идеологическом (правопонимание, понятия и категории права), нормативном, институциональном и социологическом уровнях» [23, с. 282].

Важно подчеркнуть, что с позиции рассматриваемого правопонимания не исключается, что правовая система общества может динамично развиваться и трансформироваться, в частности приобретать (заимствовать) новые структурные элементы (отрасли, институты и т.д.) и, наоборот, оптимизироваться и унифицироваться. По мнению А.Х. Саидова, «правовая система — развивающаяся система, она не остается раз и навсегда данной, а постоянно менялась и изменяется в ходе исторического процесса» [15, с. 117]. Однако с позиции рационально-эгалитарной концепции правопонимания трансформация правовой системы возможна лишь в пределах и строгом соответствии с онтологическими требованиями правопонимания.

Формирование институционального уровня правовой системы, как уже было указано выше, в первую очередь предполагает формирование (или при необходимости — преобразование) определенных целесообразных (оправданных, необходимых) с точки зрения обеспечения сущностных требований права элементов механизма государства — социальных институтов и учреждений (законодательные, исполнительные, судебные, правоохранительные, контрольные и прочие органы) с их ресурсно-компетенционной базой, необходимой для осуществления функций и задач государственного регулирования.

Идеологический (правопонимание) и институциональный уровни имеют предопределяющее значение для конструирования нормативного уровня правовой системы как совокупности нормативных правовых средств, образуемых посредством правотворческой деятельности государственных институтов и учреждений.

Процесс государственного регулирования общественных отношений по своему методологическому содержанию представляет собой комплексное, многоуровневое, связанное с регулированием наиболее важных общественных отношений и сложное по своим функциональным и практическим признакам явление социальной практики.

Предполагается, что концептуальная теория правопонимания, являясь фундаментальным и комплексным (универсальным) основанием, должна выступить своего рода онтолого-методологическим кодом для нормативно-правовой организации и регуляции общественных отношений. Именно от эффективного построения (систематизации) нормативного элемента, его логической, взаимозависимой и иерархической организации зависят последовательное и непротиворечивое выражение и последующие соблюдение, реализация и обеспечение правовых свобод человека, общества и государства, а также генерирование, упорядочивание и эффективность таких элементов *идеологического уровня* правовой системы, как правовая культура, правосознание, правовые теории, правовой нигилизм [24, с. 8].

Таким образом, с позиции рационально-эгалитарной теории права под государственным регулированием общественных отношений понимается публично-правовая деятельность государства по формированию и реализации комплекса институциональных, нормативных и инструментальных оснований и средств признания, соблюдения и защиты сущностных требований права — правовых свобод и ответственности человека.

Концептуальное понимание процесса государственного регулирования общественных отношений зиждется на онтологической, методологической и функциональной взаимообусловленности права и государства, которая выражается в следующих аспектах:

Лишь государство как политическая форма организации общества и единственный легитимный субъект осуществления государственного (нормативного и общеобязательного) регулирования обладает свойствами публичного признания (легитимации) и системного воплощения и обеспечения требований права, тогда как право как теоретическая модель определенного рационального (научного) и целостного знания о сущности и назначении права выступает основанием, определяющим и упорядочивающим организационные начала и функциональные пределы государственного регулирования (деятельности государства);

Будучи концептуальным основанием (началом и пределом) государственного регулирования общественных отношений, право выступает базовым и универсальным компонентом структуры правовой системы, теоретически предопределяющим и/или моделирующим процессы (1) организации социальных институтов (органов власти, институтов гражданского общества и пр.), (2) деятельности участников правоотношений (поведение, действия/бездействия), (3) создания и систематизации правовых (принципы, высшие акты, законы и подзаконные акты, концепции, программы и пр.) и идеологических (правовая культура, теории, сознание и пр.) средств и инструментов.

Список литературы

1. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 520 с.
2. Гильмуллин А.Р. Взаимосвязь права и общественной морали с позиции рационально-эгалитарного подхода к пониманию права // Российская юстиция. 2023. № 5.
3. Гильмуллин А.Р. Сохранение человечества как фундаментальное основание права // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1.
4. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. М.: РАН: Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. 176 с.
5. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 560 с.

6. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 720 с.
7. Пьянов Н.А. Государственное регулирование как самостоятельная научная проблема // Журнал российского права. 2012. № 5.
8. Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 440 с.
9. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 336 с.
10. Смагина И.А. Предпринимательское право. М.: Омега-Л, 2007. 286 с.
11. Сараев Л.Д., Тюкавкин Н.М. Основы государственного регулирования экономики. Самара: Самарский университет, 2014. 132 с.
12. Словарь экономических терминов. Брест: БрГУ, 2015. 35 с.
13. Тихомиров Ю.А. Государственно-правовое регулирование: основания и пределы // Журнал российского права. 2017. № 9.
14. Гальперина П.Л. Понятие правовой системы в контексте теории правового аутопойезиса // Правоведение. 2005. № 6.
15. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). М.: Юрист, 2003. 448 с.
16. Молдоев Э.Э., Абакирова А.М. Проблемы методологии исследования категории «правовая система» // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 4(86).
17. Зернов А.О., Воскресенская Е.В., Жильский Н.Н. Критерии классификации правовых систем // Социология и право. 2021. № 2(52).
18. Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 760 с.
19. История и методология юридической науки / под ред. д.ю.н., проф. В.В. Сорокина. М.: Юрлитинформ, 2016. 491 с.
20. Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. 512 с.
21. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 528 с.
22. Губайдуллин А.Р. Функции права и правовой системы общества // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 4.
23. Муромцев Г.И. Основные правовые системы прошлого и современности // Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. 832 с.
24. Тихомиров Ю.А. Правовая сфера общества и правовая система // Журнал российского права. 1998. № 4–5.